

Митинг 2020 Откуда рождается надежда?

Полный текст беседы президенты Митинга в Римини Бернарда Шольца с главой «Общениа и освобождения» отцом Хулианом
Митинг Римини, *Special edition*, 20 августа 2020 года

Бернард Шольц. Добро пожаловать на встречу с отцом Хулианом Карроном, президентом Братства «Общениа и освобождения». Спасибо, отец Хулиан, что вы с нами сегодня вечером. Откуда рождается надежда? К этому сводится множество вопросов, которые возникли в настоящий, столь драматичный период нашей истории: «На что я могу надеяться? В чем разница между надеждой и оптимизмом? Откуда берется способность надеяться?» Эти вопросы мы рассмотрим в ходе нашего диалога сегодня вечером. Начнем с того, который касается одного твоего текста, опубликованного во время карантина, – книги «Пробуждение человечности» (Х. Каррон. *Пробуждение человечности. Размышление о головокружительных временах*. Милан, 2020). Как можно говорить о «пробуждении» в момент, отмеченный множеством ограничений, множеством запретов, вынудивших нас сидеть дома, не ходить на работу, в школу?

Хулиан Каррон. Думаю, мы прямо сейчас участвуем как раз в таком пробуждении человечности. Кто в сложившейся ситуации помыслил бы о возможности организовать событие такого масштаба, как Митинг, который проходит на ста двадцати площадках по всему миру и подготовлен с креативностью, какую и вообразить сложно? Это лишь пример, но он свидетельствует о том, что, будучи открытыми перед вызовом, который представляет собой тот или иной кризис, мы можем увидеть, как пробуждаются творческий потенциал и способность что-то делать сообща, которые удивили многих. Такое пробуждение происходит не *вопреки* трудностям, как мы часто думаем, а именно потому, что трудности есть и они заставляют нас искать другие пути, другие возможности, обнаруживать скрытые ресурсы, которые иначе не проявились бы. То новое, что мы увидели на этом Митинге (что видим и что еще предстоит увидеть), родилось благодаря вызовам последних месяцев. Не будь их, вероятно потребовались бы годы, чтобы придумать и осуществить все это. Я начал с Митинга, поскольку примеры – наиболее конкретный способ ответить на твой вопрос. Несмотря ни на что, пробуждение происходит здесь, перед нами.

Шольц. Начнем нашу беседу о надежде с наблюдения из повседневной жизни. Не проходит и дня, не проходит и часа, чтобы мы не говорили: «Надеюсь, это сложится; надеюсь, то устроится; надеюсь, этому не бывать». Наша жизнь в каждом нашем действии и начинании пронизана, сформирована взглядом в будущее: мы надеемся, что случится что-то хорошее или что не случится ничего плохого. У меня возникает вопрос: надежда – своего рода константа нашего существования?

Каррон. Безусловно. Павезе сказал об этом незабываемым образом: «Разве кто-то нам что-то обещал? Почему же мы ждем?» (С. Pavese. *Il mestiere di vivere*. Torino: Einaudi, 1952. P. 276). Гениальность Павезе – меня всегда это поражало – состояла в том, что он уловил, насколько ожидание и надежда свойственны внутреннему человеческому устройству – его собственному, а значит и нашему, каждого из нас. Они являются частью нашей человеческой природы. Однако, когда реальность становится беспощадной и бросает вызов нашей, так сказать, «естественной» надежде,

возникает вопрос. Когда обстоятельства жестоки и противоречивы, содержание нашей надежды подвергается испытанию. «Но пусть слух поразит малейший диссонанс, / И этот рай в одно мгновение исчезает», – писал Леопарди (Дж. Леопарди. *К портрету красавицы, изваянному на ее надгробии*. Пер. В. Ф. Помяна).

Шольц. А в чем тогда разница между надеждой и оптимизмом?

Каррон. Оптимизм – это психологическая склонность видеть положительные стороны реальности, говорить, что все хорошо, даже если для этого приходится на что-то закрывать глаза. Он связан с темпераментом и в то же время мимолетен: стоит измениться погоде, начаться грозе, и все заканчивается. Вольтер, подтрунивая над таким оптимизмом, на вопрос: «Что такое оптимизм?» – отвечает устами Кандида: «Увы... это страсть утверждать, что все хорошо, когда в действительности все плохо» (Вольтер. *Кандид, или Оптимизм*. Гл. XIX. Пер. Ф. Сологуба). «Оптимизм, – говорит Бернанос, – есть суррогат надежды» (G. Bernanos. *Pensieri. Parole. Profezie*. / A cura di M. A. La Barbera. Milano: Paoline, 1996. P. 68). Почему? По простой причине: ему недостает основательности, чтобы выдерживать напор событий, он не способен устоять перед лицом противоречий. И поэтому, когда трудности превосходят наши силы и предпринимаемые нами попытки, от суррогата не остается и следа.

Все мы стали тому свидетелями, когда коронавирус загнал нас в угол. Мы должны были сопротивляться опасности либо, в лучшем из случаев, оставаться дома и вынуждено придумывать новые способы повседневной жизни, в результате чего стало ясно, является ли наша надежда лишь ничего не меняющим оптимизмом или она позволяет нам с достоинством переносить тяготы обстоятельств.

Шольц. Часто мы переживаем и другой опыт: оказываясь в сложной ситуации, которую не получается разрешить, мы впадаем в своего рода «спящий режим», ожидая, что проблема со временем исчезнет. Но поступая так, мы не живем, и нас полностью определяет ожидание того, чтобы трудность (болезнь, лишения или что-то еще) поскорее прошла. А можно ли даже в такие моменты жить с надеждой, с ясным самосознанием?

Каррон. Все зависит от того, на чем держится наша жизнь. Надежда должна быть обоснованной. Когда вызов превосходит нашу рутину, то, что нам уже известно, нашу меру, наши силы, наши попытки, становится понятно, есть ли у нас точка опоры, позволяющая в положительном ключе подступаться к происходящим с нами событиям. Если ее нет, остается только ждать, чтобы буря утихла, нам не удастся смотреть в лицо вызовам, которые бросает нам реальность, мы отворачиваемся от них. Это не только не разрешает, но и усугубляет трудности. Представим себе человека, которому пришлось сидеть дома и который ждал исключительно того, чтобы все закончилось! Ему, наверное, тяжело было вставать по утрам и ждать, когда же пройдет очередной день! В таком случае ситуация становится еще более невыносимой, и к тому же мы упускаем возможность научиться тому новому, что несет в себе любое обстоятельство, каким бы оно ни было. Чтобы ее увидеть, необходима лишь открытость перед происходящим. И правда, что-то может случиться, у нас возникает непредвиденная инициатива или порыв, мы вдруг с удивлением замечаем, что действуем так, как и подумать не могли. Сколько раз в последние месяцы, сохраняя открытость, мы обнаруживали неожиданные вещи или узнавали о себе самих или о других то, о существовании чего и не подозревали! В этом смысле меня всегда изумляли строки Монтале: «Непредвиденное – единственная надежда» (E. Montale. *Prima del viaggio // Tutte le poesie*. Milano: Mondadori, 1990. P. 390).

Шольц. Ты говоришь о «точке опоры». Какая точка опоры позволяет нам надеяться, даже когда реальность не отвечает нашим ожиданиям? Как не обмануться ложными надеждами и разглядеть надежду, которая, наоборот, помогает нам быть по-настоящему самими собой, в том числе и в нежелательных для нас ситуациях?

Каррон. Каждый должен смотреть, благодаря чему он действительно является самим собой, и не умозрительно, а соотнося себя с жизненными вызовами. Именно так, перед лицом того или иного затруднения, человек проверяет, какой путь он проделал. И потому столкновение с реальностью существенно важно. Как говорил отец Джуссани, в человеке «который редко сталкивался с реальностью, например потому, что ему мало приходилось трудиться, скудным окажется ощущение собственного сознания, он в меньшей степени будет воспринимать силу и трепет своего разума» (Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 117). Тот же, кто пережил разного рода потрясения, будет более способен понять самого себя и то, что помогает ему жить.

Открытие «опорной точки» – это человеческий, в высшей степени человеческий путь. Он требует сознательности, осмысления происходящего. Например, тот, кто проделал определенный путь в сложной ситуации последних месяцев, вернувшись на работу, к привычному взаимодействию с другими, наверняка заметил, что по-новому пребывает в реальности, удивляясь, как никогда раньше, существованию реальности и отношениям с людьми, иначе переживая работу. Тот же, кто такой путь не проделал, кто не вынес уроков из произошедшего, довольно скоро вернулся к прежней рутине. Один врач, которого очень поразило, как многие его коллеги самозабвенно работали в больнице в самые драматичные моменты, сказал мне: «Я опешил, когда всего через несколько недель после окончания кризиса мы больше почти не здоровались». Как возможно, чтобы столь насыщенный опыт не оставил и следа? Все зависит от пути, который человек проделал, от того, стало ли более зрелым осознание произошедшего с ним. Не вынеся из пережитого никаких уроков, он, стоит только окончиться чрезвычайной ситуации, возвращается в исходную позицию, так ничему и не научившись, не найдя ничего, что помогло бы ему встретить лицом к лицу будущее. Жизнь проходит, словно не позволяя нам расти как личностям, не обогащая нас внутренне, не укрепляя наше самосознание. Поэтому-то мне кажется очень точной фраза Элиота: «Где Жизнь, которую мы потеряли в жизни?» (Т. С. Элиот. *Камень // Камень. Избранные стихотворения и поэмы*. Сериате: Христианская Россия. 1997. С. 123). В жизни мы можем потерять жизнь или же приобрести ее. Мы приобретаем ее, не когда избегаем отношения с реальностью, и теряем ее, не когда реальность подвергает нас испытаниям. Мы приобретаем ее, когда принимаем вызов обстоятельств, какими бы они ни были, и становимся главными героями ситуации.

Шольц. А что позволяет нам быть главными героями в сегодняшней ситуации?

Каррон. Здесь встает большой вопрос, и каждый – повторяю – должен лично ответить на него. Чтобы показать моим студентам, откуда рождается надежда, я часто приводил такой пример. Представьте, говорил я им, что близкого, очень дорогого вам человека сразила болезнь, от которой еще нет лекарств. Если однажды, случайно включив телевизор или читая газету, вы узнаете, что в где-то в мире кто-то с той же болезнью исцелился, то, хотя человек, которого вы любите, все еще болен и не получает лечение, вы станете относиться к будущему иначе, начнете смотреть на него иначе. Надежда начинает проявляться, когда в настоящем случается что-то, что позволяет

иначе смотреть в будущее. И это касается не только примера, порожденного вопросами моих учеников; мы постоянно видим, как происходит нечто подобное. В книге «Сияние в глазах» я цитировал письмо одного человека, который в пятьдесят лет уже не ждал от жизни ничего нового. И вот однажды в школе, где учатся его дети, он познакомился с другим родителем, чьи глаза сияли, чья жизнь была полна насыщенности, которую он больше не видел в самом себе. Он начал встречаться с новым знакомым, следовать за ним, наблюдать за тем, как он живет, до тех пор, пока и сам не начал смотреть таким же взглядом.

Надежда рождается, когда мы видим, как в настоящем происходит что-то, что распахивает взгляд. Мы думали, игра окончена и уже нечего ждать, а все, напротив, начинается вновь. Именно в тот момент, не в какой-то другой, не раньше и не позже, не в нашем воображении, а именно тогда, в нашей жизненной ситуации случается что-то, что возрождает надежду, открывает будущему жизни что-то иное. Отец Джуссани выражал это лаконичной фразой: «Надежда есть уверенность в будущем, опирающаяся на нечто реальное в настоящем» (Л. Джуссани. *Пасхальный плакат «Общения и освобождения»*, 1996). Возможно, ничего не изменится в одночасье, но важно увидеть людей, которые переживают ситуации, аналогичные нашим, по-новому: «Если их образ жизни станет моим, то и я смогу смотреть в лицо враждебности и трудностям жизни с надеждой в глазах».

Шольц. А присутствие, о котором ты говоришь, – это любое присутствие или какое-то особое?

Каррон. Нет, не любое. Не всякое присутствие способно стать основанием для надежды, позволить нам встречать все вызовы реальности с высоко поднятой головой. Когда испытание сильнее нас (подумаем о болезни, или о последнем пороге, о смерти, или о повседневности, «сбивающей с ног», о которой говорил Павезе и переживать которую порой труднее всего), вопрос в том, какое событие должно было произойти с нами, какое присутствие должно было войти в нашу жизнь, чтобы мы могли выдержать испытание с надеждой. Каждый должен спросить себя: «Встретил ли я подобное присутствие?» Апостолы столкнулись с присутствием – Иисусом из Назарета, и благодаря этому в обычной жизни или посреди бури они не просто ждали, чтобы все поскорее закончилось, давая друг другу полезные советы. Они могли подступаться ко всему, даже к бурям, иначе, более истинным, более человечным образом. Они видели, как Иисус предстал перед болезнью, перед смертью, перед трудностями, перед противоречиями. Они видели, как Он поплатился за это, и погребли Его. Но потом они увидели Его живым, воскресшим. Тот, в чьем взгляде было Его присутствие, не мог не говорить, как сказал святой Павел: «Ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (*Рим.* 8:38–39).

Моим студентам, у которых я многому научился, поскольку они постоянно побуждали меня искать причины вещей, я говорил: «Как ты думаешь, твоя мама тебя любит?» – «Конечно». – «Ты в этом уверен?» – «Более чем». – «Ну, раз ты так уверен, как по-твоему, может ли в жизни настать момент, в который твоя мама перестанет тебя любить?» – «Нет, совершенно точно не может!» – отвечали они. Почему? На чем основывалась их уверенность в будущем? На настоящем, на опыте настоящего. Благодаря опыту совместной жизни мои студенты даже представить себе не могли, что материнская любовь к ним когда-нибудь иссякнет. Это очень простой опыт отношений, доступный каждому, и точно такой же опыт пережили ученики рядом с тем исключительным Присутствием. С одной лишь разницей: мама не в силах избавить меня от смерти или болезни, она может только помогать мне, тогда как ученики столкнулись с Присутствием, которое принесло в историю непостыжающую,

как говорит святой Павел, надежду. «Надежда не постыжает» (Рим. 5:5), в какой бы ситуации человек ни оказался.

Отсюда следует, что проблема нашей надежды – это проблема нашей веры. Есть ли в нас относительно присутствия Христа, с которым мы встретились, та же уверенность, какая есть у ребенка относительно присутствия матери? Является ли наша уверенность в Нем настолько человеческой, настолько истинной, настолько укорененной в самых недрах нашего «я», что в Его компании мы можем с надеждой смотреть на все происходящее с нами? Иными словами, уверены ли мы, что, что бы ни приключилось, никто не в состоянии отлучить нас от этого Присутствия?

Если нет Присутствия, которое любит меня настолько, что, что бы я ни сделал, что бы ни случилось, я могу смотреть в будущее с непоколебимой положительностью благодаря уверенности в этом Присутствии, благодаря живому опыту отношения с ней, – если такого нет, то в конце концов надежда превращается лишь в пустое слово. Мы можем играть им сколько угодно, но если нет исторического присутствия Человека, Который был мертв и воскрес, а потому реально присутствует, является современником нашей жизни, то у надежды всегда будет срок годности.

Христос, Бог, ставший Человеком, умерший и воскресший, присутствующий здесь и сейчас в человеческой реальности, есть источник нашей надежды. Христа мы встречаем сегодня: именно так случилось с нашим другом Микелем Азурменди, о чем он сам свидетельствует в видео, которое мы видели два дня назад. Он разглядел Его в людях из плоти и крови. Сначала, находясь в тяжелом состоянии в больнице, он услышал по радио одного журналиста и заметил, что тот иначе, чем остальные, говорит о событиях. Потом он нашел другого человека, который посмотрел на него так по-человечески, как никто не смотрел. Потом был кто-то еще и кто-то еще. И Азурменди признал, что все эти люди пребывали в реальности столь по-человечески, что это влекло его, наполнило восхищением, бросало вызов самым его глубинам (Cf. M. Azurmendi, *L'Abbraccio. Verso una cultura dell'incontro*. Milano: BUR, 2020). В один прекрасный момент он заметил, что всех этих людей породила одна и та же встреча, они признавали одно и то же Присутствие. Так он понял, что Христос – Присутствие, о котором говорим мы, христиане, – реален, Он воскрес, то есть продолжает пребывать в истории под видом инаковой человечности, с какой и он сам столкнулся. Христос сдвинул с мертвой точки такого человека, как он, утратившего отношение с верой пятьдесят-шестьдесят лет назад, и позволил ему вновь открыть жизнь во всей ее насыщенности. Когда видишь такое, невозможно не поразиться тому, как в настоящем продолжает происходить та же история, что началась две тысячи лет назад.

Шольц. Значит, способность встречать лицом к лицу любую ситуацию, входить в нее подтверждает наличие у нас непостыжающей надежды. Если мы взаимодействуем с обстоятельствами, в том числе и сложными, эта надежда укрепляется, подтверждается?

Каррон. Безусловно! Чем чаще человек сталкивается с трудностями, тем больше испытывается, то есть проверяется, содержание надежды. Кто-то мог бы сказать: «Это все отвлеченные понятия». Нет. Почему нет? Потому что и Микель Азурменди, и наш друг, который в пятьдесят лет ничего не ждал и наблюдал только, как жизнь ускользает от него, оба встретились с людьми из плоти и крови, встретились с ними в мире, в жизни, и эти люди оспаривают наш скептицизм, нашу меру, наши попытки опустить руки. Не идеи, не отвлеченные понятия, а лишь нечто реальное, присутствующее здесь и сейчас может вернуть надежду. Все остальное не помогает. Мы видели это на примере страха перед коронавирусом и в других ситуациях. Необходима плотская, историческая реальность, существованию которой изумляешься. Именно она возрождает надежду. Я говорю о присутствии людей, в которых воплощается

смысл, соответствующий жизни, некое обещание. Папа Бенедикт XVI говорил: самые важные понятия жизни облеклись в плоть и кровь («Истинная новизна Нового Завета заключается не в новых идеях, а в самой личности Христа, который дает им Свою плоть и кровь, – неслышанный реализм!») См. Бенедикт XVI. Энциклика *Deus caritas est*, 12). Иными словами, мы нуждаемся не в отвлеченных ценностях, а в людях, которые живут надеждой – так, что это привлекает нас и бросает нам вызов.

Итак, не отвлеченные понятия, а что-то реальное порождает в истории – и это второй момент – нового субъекта. Люди, как те, которых описывает Азурменди или наш пятидесятилетний друг, если за ними по-настоящему следуешь, если со всей простотой идешь за ними, подобно ученикам, пошедшим за Иисусом, способствуют рождению новой личности, которая может выстоять под напором реальности. Не потому, что они герои, как мы часто думаем, сводя христианство к морализму, а потому, что их в свою очередь посредством других встреч и других людей породило и порождает то же самое событие, то же Присутствие. Отношение с живым Христом, присутствующим здесь и сейчас, порождает в истории новую личность, идущую вперед с надеждой. Тот, кто встречает Его и позволяет Ему себя достичь, живет с высоко поднятой головой, сознавая самого себя, не убегая от реальности. Какой бы реальность ни была, взаимодействие с ней – возможность для такого человека проверить основательность его надежды.

Для меня период самоизоляции стал прекрасным поводом спросить себя: «То, чем я живу, во что верю, на что я возложил мою надежду, – достаточно ли этого, чтобы подступиться к сложившейся ситуации?» Каждый должен задать себе тот же вопрос, а иначе нам будет сложно в любой ситуации, превосходящей нашу меру. Именно в такие моменты видно, насколько важную роль играет вклад, который мы, христиане, можем внести сегодня в жизнь общества. Многих поразило, что мы в этом году проводим Митинг. Это первое публичное мероприятие после карантина, и немало людей думало, что организовать его невыносимо. Как же у нас получилось? Благодаря людям, которые не сдаются перед трудностями, не опускают руки из страха, когда ощущают провокацию реальности. Митинг проходит благодаря надежде, которой мы отмечены: это не наша заслуга, а благодать, дарованная нам, и мы желаем донести ее до всех.

Шольц. Я хотел бы чуть подробнее остановиться на том факте, что надежда всегда связана с историческим контекстом. В публичных дискуссиях сегодняшнюю ситуацию часто сравнивают с послевоенным временем. Если мы посмотрим, что происходило тогда, то увидим, как все усилия, которые люди прилагали в области труда и в интеллектуальной сфере, улучшали положение. Мы увидим постоянный рост, подкрепленный технологическим прогрессом. Надежда совпадала с чем-то почти автоматическим, по крайней мере в том, что касалось материальной стороны жизни. Потом случился первый кризис 2008–2011 годов. Постоянный рост остановился, нам пришлось принять во внимание тот факт, что все могло стать еще хуже, достигнутый уровень жизни более не был гарантирован, а наших детей, вероятно, ждало не лучшее в сравнении с нашим будущее, если вообще не худшее. Тогда-то и поменялся, скажем так, способ отношения в том числе и к ожиданию, о котором мы упомянули в самом начале. Либо надежда должна была стать более основательной, либо мы опустили бы руки. Кроме того, я на днях прочитал одну статью, где рассматривалось последнее десятилетие и говорилось об «эпидемии отчаяния» (*Ilsole24ore.com*. 16 agosto 2020), об увеличении числа случаев депрессии, обусловленной не патологиями, а как раз вот этим «смирившимся» менталитетом. И тут я хочу спросить тебя: как исторический контекст, в котором мы живем, влияет на нашу надежду, на наше понимание надежды, особенно сейчас, в период пандемии?

Мы ведь живем не в изоляции, а в определенном социальном и культурном контексте, который отражается на том, как мы воспринимаем самих себя в мире.

Каррон. Думаю, эти факты (экономический кризис, нынешняя пандемия) подвергли испытанию наше понимание надежды и прежде всего опыта доверия. Случился надлом в доверии, которое мы питали к постоянному прогрессу в сфере экономики, здравоохранения и т. д., доверии почти механическом. Мы увидели, что дела обстоят иначе. Меня всегда поражает фраза Бенедикта XVI, согласно которой любой прогресс нам представляется накопительным. Это верно в отдельных, скажем так, научно-технических областях, но во всем, что касается человеческой жизни, всегда требуется новое начало [«Прогресс, при котором к достижениям прошлого добавляются достижения настоящего, возможен лишь в материальной сфере. <...> В области же этического знания и принятия нравственных решений подобной возможности суммирования нет – по той простой причине, что человеческая свобода является всегда новой и человек должен принимать свои решения каждый раз заново. Другие просто не могут принимать их за нас – в противном случае мы теряем свою свободу. Свобода же предполагает, что в принятии основополагающих решений каждый человек и каждое поколение являются новым началом». Бенедикт XVI. Энциклика *Spe salvi*, 24]. Мы в этом убедились: как только доверие оказывается под угрозой, семьи начинают экономить, не делают вложений, боятся будущего и думают лишь о том, как справиться с текущей ситуацией. Когда такое случается, как из этого выбраться? Риск отчаяния, о котором ты говоришь, всегда нас подстерегает, ведь, если доверие пошатнулось, днем позже страницу вот так запросто не перевернешь, как ни в чем не бывало. Разом вернуть, оживить доверие, когда в тебя закралось подозрение и недоверие, не получится. Поэтому наша надежда действительно подвергается испытанию, мы проверяем, есть ли в нашей жизни точка опоры, позволяющая нам не оказаться во власти того или иного кризиса. Восстать из пепла в каких угодно обстоятельствах мы можем, только если нас поддерживает что-то, что сильнее любого кризиса. А иначе трудно будет начинать заново. Однако и в Италии, и в мире может появиться множество других новых инициатив, свидетельств о творческом подходе, которые вырывают нас из сложившейся ситуации. Так что давайте держать глаза открытыми. Вопрос лишь в том, на что мы опираемся. Наши бабушки и дедушки прошли через более суровые испытания в войнах и драматической экономической ситуации, но у них под ногами была такая непоколебимая опора, о которой мы порой только мечтаем. Я говорю это не для того, чтобы смотреть в прошлое, но чтобы подчеркнуть важность вопроса для наших детей. Лишь в том случае, если мы можем поделиться с ними надеждой, в их жилах не будет течь страх. Часто мы прививаем им наши тревоги вместо того, чтобы вести их к осознанию их внутренних ресурсов, их возможностей. На этом уровне и решается будущее, как говорил Марио Драги на открытии Митинга. Если молодые люди найдут тех, кто поможет им встречать реальность лицом к лицу с гипотезой о смысле, тех, кто не будет внушать им страхи, тогда они смогут расти и созидать, преодолевать сложные ситуации, которые возникнут на их пути. Но для этого нужно присутствие взрослых, свидетельствующих, что всегда можно не только не бежать от реальности, но и созидать, в том числе и в непредвиденных обстоятельствах, полных препятствий.

Шольц. Остановимся подробнее на этом, думаю, самом важном в настоящий момент аспекте. Как нужно смотреть на детей перед лицом часто неясного будущего?

Каррон. Думаю, существует два способа отношений между родителями и детьми, воспитателями и учениками. Есть те, кто старается оградить детей от отношения с реальностью, полагая, что тем самым они защищают их от неожиданностей, от трудностей, от всего, что представляет собой

угрозу. Мир видится им как одна большая угроза, от которой взрослые должны оберегать детей. Таким образом, часто неосознанно, мы передаем им неуверенность. С другой стороны, есть семьи, воспитатели, которые не прививают ребятам страх, не избавляют их от столкновения с реальностью, а вводят их в нее, постепенно, предлагая им рисковать в трудных ситуациях, давая подсказки (прежде всего своим образом жизни), побуждая брать на себя инициативу. Тогда дети видят людей, не сдающихся перед проблемами.

Без этого сегодня никуда: нужно свидетельствовать молодым людям, которым часто, в силу молодости, бывает страшно, о возможности положительного подхода к проблемам, обстоятельствам, противоречиям и показывать с позиции взрослых, как смотреть в будущее с обоснованной надеждой, так, чтобы страх не имел над нами власти, чтобы нас не определяли трудности, которые есть всегда. Передавать это (я думаю об учителях) крайне важно, в том числе и для углубления знаний. Чтобы вернуть молодым людям энтузиазм, требующийся для познания, необходимо передавать им – самым способом чтения предметов – надежду, которой мы живем, доверие, которое позволит им обнаружить все их скрытые ресурсы и сделать это настолько творчески, что и мы удивимся. Чем больше побуждаешь ребят занимать позицию, чем больше уважаешь их возможности, тем сильнее проявится, к их и к нашему удивлению, их ценность. Часто, слушая их, я говорю сам себе: «Если бы только они сознавали величие того, о чем они говорят! Как бы они изумились!» Порой они не отдают себе в этом отчета, и мы как воспитатели должны помочь им осознать все содержание их опыта, всего, что они говорят, чтобы они могли открыть для себя точки опоры, на которых держится жизненная стезя, которые позволяют не сдаваться и смотреть в будущее взглядом, полным надежды. Вот что такое путь воспитания.

Шольц. Возможно, и кто-то из ребят, живя так непосредственно, мог бы чему-то научить нас.

Каррон. Безусловно! Я у них научился очень многому. Часто они опережают нас по всем показателям, благодаря характерному отсутствию «фильтров» в отношении с реальностью. Иногда, как я уже упоминал, они не осознают важности того, что говорят. Я годами повторяю то, что услышал и чему научился от них, тогда как они, возможно, уже об этом забыли. Проблема в том, что, чтобы сохранить что-то в памяти, чтобы вынести урок из происходящего, необходимо понимать, какое значение это имеет для жизни.

Шольц. Христианство, особенно в новое время, часто обвиняли в том, что оно отвлекает внимание от земной жизни, от реальных проблем, чтобы утешать людей запредельным. В таком случае оно не смогло бы способствовать поиску социальной справедливости и формировать мир, делая его более комфортным домом для человека. Одним словом, христианство стало бы, как говорил Маркс, «опиумом для народа», уведящим от контакта с реальностью. Конечно, сегодня это обвинение звучит не так часто, однако я спрашиваю себя: нет ли риска переживать христианскую надежду, как бы играя на понижение, отступая, создавая своего рода умиротворенное пространство, возможно даже опуская планку относительно прежней жизни, но так или иначе помещая себя в некий замкнутый круг, где живет более-менее хорошо? Надежда же, которую описал ты, заставляет брать на себя обязательства, рисковать, творить, формировать реальность. В чем разница между этими двумя типами надежды?

Каррон. Разница в том, каким христианством ты живешь! Есть христианство, которое не в состоянии пробудить человека; оно отсылает его к запредельному, поскольку страшится жизни здесь и сейчас. А есть христианство, пробуждающее всю человечность, все способности человека, все

его силы, весь его творческий потенциал, весь его ум, всю его свободу, так что человеку хочется закатать рукава и взяться за дело. Это совсем не бегство в запредельное! Христианство, отвлекающее от реальности, – противоположность подлинного христианства.

Проблема в том, что часто мы рискуем переживать веру не тем способом, который принес в историю Иисус. В начале все изумлялись Ему не потому, что Он отступал от реальности, а потому, что иначе входил в любые отношения. И правда, о Нем говорили: «Никто никогда не говорил, как этот Человек, никто не поступал, как этот Человек, никого подобного мы никогда не встречали!» Он не думал о запредельном, словно ожидая, когда все закончится. Он настолько погружался в каждую встречу, в каждую ситуацию, в каждое побуждавшее Его обстоятельство, настолько соответствовали сердцу Его взгляд и Его отношение к людям и вещам, что все изумлялись: «Никогда ничего такого мы не видали» (Мк. 2:12). Вот что такое христианство, когда оно настоящее, а все другое – не христианство, не христианство, переданное нам Евангелием. «Кто последует за Мною... получит во сто крат» (ср. Мф. 19:29), – говорил Иисус. Кто следует за Ним, начинает здесь – здесь! – переживать стократный опыт во всем: в способности творить, в энергии, в способности любить, в способности к самоотдаче, в способности идти вперед посреди трудностей, подниматься после любой неудачи, что обычно невозможно. Умножается человечность – умножается стократно!

Не знаю, с какими христианами встречались те, кто выступает с подобными обвинениями в адрес христианства. Однако мы тоже в этом смысле несем ответственность, ведь если мы не свидетельствуем, что христианство – не какой-то довесок, добавляемый к человеческой жизни извне, а событие, спасающее и ведущее человека к полноте его исходной структуры, то есть его ожиданий, его жажды смысла и свершения; если мы об этом не свидетельствуем, вряд ли христианство кого-то сегодня заинтересует. Напротив, христианство, способное пробуждать всю человечность, все больше подталкивающее к действию, так что человек ждет не дождется, когда сможет потрудиться (потому что жизнь прекрасна, когда тратишь ее ради блага других людей, ради всеобщего блага), – такое христианство интересно! Только присутствие людей, свидетельствующих о подобной насыщенности жизни, делает очевидным вклад христианства в жизнь современного человека. Наша надежда – это уверенность, позволяющая смотреть в будущее, не убегая в запредельное. Присутствие Христа позволяет встречать лицом к лицу любое будущее, с уверенностью во взгляде. Именно в силу того, что происходит на наших глазах в настоящем, мы можем надеяться и на запредельное.

Шольц. В завершение вернемся к вопросу, заданному в начале: откуда рождается опыт надежды? Это что-то, чего мы сами должны достичь, или же дар, который мы получаем?

Каррон. Дар, который мы получаем. Как говорил Монтале, «непредвиденное [непредвиденный дар] – единственная надежда». Но дар этот не падает с неба, получить его мы можем лишь во встрече с кем-то. Это дар, который можно увидеть, как увидели Иоанн и Андрей, получив его во встрече с тем Человеком. Или как Микель Азурменди, распознавший его, слушая по радио журналиста, говорившего не так, как все. Или как студент, чей преподаватель общается с ним особым образом, или как больной человек, чей лечащий врач относится к нему иначе, нежели все прочие врачи. В их присутствии проявляется «что-то другое», случившееся в их жизни и породившее их. Что бы ни произошло, они для нас – фактор надежды, но лишь при условии, что мы позволяем им поразить и привлечь нас, если мы открыты перед тем в них, что отвечает на наше желание свершения. Мы созданы ради свершения, а не для того, чтобы заглушать наш голод и нашу жажду полноты.

Тот, кто обрел во встрече с определенными людьми То, что постоянно его пробуждает, кто продолжает поиски, ибо нуждается в этом, чтобы жить, кто живет рядом с определенными людьми, возвращающими его в правильную колею, тот действительно идет по пути: это человек, идущий через любые обстоятельства с высоко поднятой головой, как я говорил ранее.

Шольц. Думаю, сегодняшний вечер – настоящий подарок, укрепивший, усиливший нашу надежду в столь драматичный момент, который без надежды мог бы обернуться трагедией. Если же переживать его с надеждой, о которой свидетельствует нам отец Хулиан Каррон, этот момент способен стать плодотворным, творческим и позволить нам реализовать возможности, заложенные в этой перемене эпохи, ускоренной пандемией. Если мы смотрим на него с «сиянием во взгляде», о котором говорится в названии последней книги Каррона, он оказывается полон таких неожиданных возможностей.

Большое спасибо, отец Каррон!

Каррон. Спасибо!

(Текст отредактирован авторами)